

А.П. Соловьев

**«...МЕЖДУ МНОЙ И ВАМИ ТА СУЩЕСТВЕННАЯ
РАЗНИЦА, ЧТО Я СТОЮ НА СТОРОНЕ ИСТОРИИ И
НАРОДА...»: ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗЛИЧИЙ ПРАКТИК
ПОВЕДЕНИЯ И САМООПИСАНИЯ ИВАНА АКСАКОВА**

Рецензия на: *Тесля А.А.* «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: «Владимир Даль», 2015. 799 с.

В истории аксаковедения нынешний 2015 год будет, несомненно, отмечен особо. Уже вышел из печати первый том первого комментированного академического собрания сочинений классика позднего славянофильства Ивана Сергеевича Аксакова¹. А теперь читатель может познакомиться и с первой наиболее полной на сегодняшний день биографией этого мыслителя-славянофила. Автор этой книги — кандидат философских наук А.А. Тесля, известный в первую очередь своими исследованиями русского консерватизма и национализма XIX века².

Конечно, есть классическая работа Н.И. Цимбаева «И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России» (1978)³. Но, при всем ее значении даже для современной науки, назвать ее полной биографией никак нельзя. Это становится очевидным, если посмотреть на издаваемые С.В. Мотиным с 2010 года «Материалы для летописи жизни и творчества» Ивана Аксакова⁴, кото-

Арте́м Па́влович Соловьёв — кандидат философских наук, доцент кафедры политологии, социологии и философии Башкирской академии государственной службы и управления (г. Уфа) (artstudium@yandex.ru).

¹Аксаков И.С. Собрание сочинений. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 1 / Издание подготовили А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2015.

²См., напр.: Тесля А.А. Первый русский национализм... и другие. М.: Издательство «Европа», 2014.

³Цимбаев Н.И. И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во Моск. Ун-та, 1978.

⁴Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества: В 5 вып., 9 книгах / Сост. С.В. Мотин, И.И. Мельников, А.А. Мельникова; под ред. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2010–2013.

рые оказались серьезным подспорьем для автора рецензируемой монографии, но представляют собой именно материал для осмысления. Как раз это осмысление, основанное не только на предшествующих исследованиях, но и на собственных архивных изысканиях и открытиях, мы можем видеть в монографии А.А. Тесли «Последний из “отцов”...».

Порядок разделов биографии ожидаемый — молодость, зрелость и «последний из “отцов”». Ключевые этапы изложения тоже очевидны для человека более-менее знакомого с жизнью И.С. Аксакова: училище правоведения, труды на государственной службе, начало издательской деятельности, заграничные путешествия, активная публицистическая деятельность (в ее основных темах: 1) соотношение «общества», «народа», «государства»; 2) польский вопрос; 3) церковные вопросы; 4) славянский вопрос и русско-турецкая война). Но то, что, несомненно, неожиданно, что составляет одно из главных достоинств этой книги об И.С. Аксакове, — это действительная цель исследования, та цель, которую автор изначально скрывает и лишь как бы нечаянно в ссылках (и даже только по поводу другой книги) проговаривает: «осмысляя практики поведения и самоописания» (с. 77).

Именно эти практики и оказываются предметом исследования. А их осмысление и выстраивание в хронологической последовательности биографической канвы жизни Ивана Аксакова — целью и основой. Отсюда и обилие цитат из писем, статей главного героя книги и его собеседников. Цитат, которые раскрывают именно мотивы поступков и «практик поведения», имеющих истоком движения воли и ума. Самоописание Аксакова и его родных, друзей, оппонентов также присутствует при этом непрерывно. И не только в тексте, но и в обширных документальных приложениях, материалы которых публикуются впервые.

Уместно тут вспомнить замечательное высказывание опытного историка философии А.В. Соболева: «Хвала цитате! Логические рассуждения философа историк может изложить яснее и компактнее своими словами. Но подлинные события мысли должны быть представлены в подлиннике. Лишь они одни способны обеспечить реальное присутствие автора и возможность с ним собеседования. Главная задача историка — найти эти вспышки мысли, эти корни мысли, а не отвлекаться на прослеживание подробностей ремесленных разработок»⁵.

В случае книги А.А. Тесли можно смело говорить о том, что цитаты высвечивают эти корни мыслей и поступков Аксакова. Они не только позволяют «собеседовать» с теми, чьи имена мы встречаем в книге, а еще и дают удиви-

---

⁵ Соболев А.В. Философские мелочи // История философии. 2000. № 6. С. 225.

тельно ясное понимание тех тонких различий, которые существовали в практиках поведения и самоописания (а также взаимного описания) Аксакова и людей его окружения. И вот в этом аспекте мы видим метод исследования.

Формально это прекрасно известный метод сравнительного анализа. Но в данном случае он применяется настолько не формально, что уместнее будет назвать его методом «самотождественного различения», вспоминая один из аспектов определения понятия «эйдос» у А.Ф. Лосева в работе «Античный космос и современная наука»⁶. Метод этот в книге А.А. Тесли реализуется как раскрытие различий в том, что кажется близким или даже тождественным, при выявлении сходств там, где следует, казалось бы, заподозрить различие. Именно это делает картину биографии И.С. Аксакова не просто изложением практик поведения и самоописания, но выявлением их эйдетического, смыслового различия. Это определение А.Ф. Лосева, кажется, наиболее точное выражает суть подхода А.А. Тесли к анализу жизненного пути Аксакова.

Первые различия вскрываются в отношении учебного заведения, где учился Аксаков. Получая при выпуске из училища правоведения перстень с надписью на латыни, которая переводится «Что бы ты ни делал, поступай рассудительно и смотри, к чему приведут твои поступки» (с. 22), Иван Аксаков получает вместе с ним напутствие осуществлять в жизни цель училища — быть честным правоведам, государственным служащим. И молодой человек в полной мере ставит смыслом своей жизни служение — даже до такой степени, что это не согласуется «реальной жизнью» и карьерой (с. 21). И далее разворачивается именно история конфликта разных вариантов понимания сути служения, различий в понимании надписи на перстне: что есть рассудительность — учет мнений начальства или знание объективно должного (по чести).

Но и внутри этого воспринятого Аксаковым «этоса служения» (а не просто «службы») автор монографии показывает процесс различения и самоопределения своего героя, а точнее — его самосоотнесения с определенными культурными традициями. Так, с одной стороны, Аксаков оказывается вполне «вписанным» в традицию романтизма (в том числе и своей поэзией), а с другой стороны, автор биографии пишет о нем как о стороннике в 1840-х гг. идей «просвещенной бюрократии». И это вполне отсылает к гипотезе В.Ф. Пустарнакова о том, что конец просвещения в России приходится именно на 1840–60 гг.⁷ Да-

---

⁶Лосев А.Ф. Античный космос и современная наука // Лосев А.Ф. Бытие — имя — космос. М.: Мысль, 1993. С. 175.

⁷См.: Пустарнаков В.Ф. Философия Просвещения в России и во Франции. Опыт сравнительного анализа. М.: ИФ РАН, 2001.

лее А. Тесле удается показать, как противоречие между романтизмом и просвещенчеством приводит Аксакова к необходимости самоопределиться в рамках этого представшего перед ним различия: оно проявляется в его жизни как выбор между поэзией и службой (с. 38–39) и размывается в *романтической* мысли об участии в кругосветном путешествии для целей «строгого просвещения» (каковому, правда, Аксаков не может «соответствовать» по его же словам (с. 92)). Самоопределение происходит через выявление обнаруживаемых Аксаковым различий между службой в провинции и в столицах (с. 32–33, 64, 72).

Более того, постепенно автору биографии удается вскрыть и то, что потребность в различениях для самоопределения это не только избранный им метод исследования, но устремление самого Аксакова, которому метод лишь соответствует. Особенно ярко это проявляется впервые при раскрытии причины желания Аксакова путешествовать по России и «по всему свету» (с. 41) — «чтобы понимать чувства других, но к чему сам он непричастен, хотя и уважает чувства окружающих» (с. 42). И это различие «своего» и «другого», различие одного «другого» от иного «другого» и даже — «своего» от «своего» прослеживается по всей книге. «Другой» — это, например, купец, который, несмотря на свою внутреннюю провинциальность, отличен от провинциального же дворянства (и отличие это — именно в пользу купечества (с. 65, 70)). И тут же мы видим, как Аксаков показывает отличие купца от крестьянина, хотя можно было бы заподозрить их близость (с. 66).

Еще интереснее различия среди «своих» — например, И.В. Киреевского от остальных славянофилов, как «слишком поддающегося авторитету святых отцов» (по мнению И. Аксакова в 1852 г.) (с. 82). Особенно интересно тонкости различия в среде «своих» выглядят на фоне неспособности правительства в начале 1850-х гг. различать славянофилов и петрашевцев (с. 84) как раз тогда, когда различия в среде славянофилов становятся все более и более разнообразными. Причем именно И.С. Аксаков оказывается тем, через кого эти различия выявляются. Это касается различий в отношении к Крымской войне (с. 105–106) в среде славянофилов и среди русского населения (в самой России и у русских в Бессарабии) (с. 109). Это относится и к отношению к Европе, где Аксаков ищет различия между русскими и итальянцами (с. 115), итальянцами и французами (с. 114), Герценом и остальными западниками (с. 118), между немецким и русским отношением к науке и высшему образованию (с. 154–156). И что наиболее важно — это разногласия по поводу издания журнала «Русская Беседа»,

который оказывается единственным общим изданием славянофилов (с. 141–144), и в том, что касается церковных вопросов (о чем нужно говорить особо).

Важным моментом в этом отношении, да и в смысле самоопределения Ивана Аксакова, оказывается 1860 год — после смерти Киреевских, Хомякова, отца и старшего брата он оказывается их идейным наследником. В связи с этим А. Тесля проводит интересное и важное различие между статусом Аксакова «до» и «после» в связи с его позицией по отношению к тем, кто «вовне» и «внутри» кружка славянофилов: «...ранее, будучи одним младших членов кружка, он стремился отстаивать самостоятельность своих взглядов, полемизировал с тезисами, выдвигавшимися братом или Хомяковым, чувствовал себя свободнее, поскольку учение формулировалось и защищалось другими: он был славянофилом вовне, но внутри кружка — который не секта и не партия, члены которой присягают уставу, — не смущался акцентировать разногласия. Теперь, когда Хомяков и Константин умерли, он стал наследником их учения — его предстояло сохранить и донести до других, объяснить вовне» (с. 166).

Эта трансформация напрямую связана с вопросами религии, церкви и православия, что биограф подчеркивает обрисовкой еще двух аспектов положения Аксакова после 1860 года. Во-первых, через указание самого Аксакова на различие между своей газетой «День» и изданием братьев Достоевских «Время»: «Этот журнал славянофильствует отчаяннейшим образом, и при всяком удобном случае нас ругает, говорит, что славянофильство — отживший момент, и хочет создать учение о русской народности — минус вера и нравственный закон!» (с. 183). Во-вторых, в связи с позицией Аксакова в самой газете: «Так, в отношении к польскому вопросу размежевание прошло настолько глубоко, что позиция Аксакова оказалась одновременно неприемлемой (как слишком «проправительственная») В.А. Елагину и Ф.И. Чижову, и (как недостаточно жесткая) А.И. Кошелеву и Ю.Ф. Самарину (не говоря уже о князе В.А. Черкасском, который уже в 1861 г. находил нужным объединиться с М.Н. Катковым и Н.Ф. Павловым ради создания единого консервативно-либерального органа <...>), для либеральной общественности она была неприемлема в силу подчеркивания роли православия, постоянного внимания к вопросам церкви и религии, полемикой с конституционными настроениями, материализмом и т.п., для консерваторов разного оттенка — тем, как трактовала крестьянский вопрос, требованием свободы совести, свободы слова» (с. 197–198).

И вновь вопросы веры, Церкви тут стоят особо — как яблоко раздора и как основа. Наверняка, как сторонника национального проекта Аксако-

ва невозможно рассматривать отвлеченно от его концепции «земли», «государства» и «общества». Несомненно, можно найти в соответствующей главе этой замечательной биографии различения, касающиеся понимания этой триады. Бесспорно, значительной глыбой высится тут «польский вопрос», который и стал катастрофой для Российской империи. Не вызывает споров то, что этому вопросу уделено около 50 страниц. Но при всем этом центральное место как в книге, так и в биографии самого Аксакова занимают вопросы веры — неспроста в монографии непосредственно им посвящено места больше, чем остальным темам (60 страниц в четвертой главе (с. 381–440) и повсюду — в остальном тексте).

Говоря о вопросах религии, А. Тесля не отходит от своего метода и своей цели. Заявив о том, что Аксаков воспринимает себя православным, биограф тут же указывает на необходимость разобраться с тонкостями аксаковского понимания Православия (с. 381). И разбирает его на фоне состояния российской Православной Церкви середины и второй половины XIX века. Тут мы видим, как от «бытового» восприятия Православия как чего-то само собой разумеющегося («часть быта») (с. 382), через осторожное личное отношение к практическим вопросам церковной жизни в середине 1840-х гг. (с. 384) и апологии гоголевских «Выбранных мест из переписки с друзьями» (с. 386–388), Аксаков приходит к сознательной церковной жизни (с. 388), начинает говеть и причащаться. На этом пути появляются и разногласия между Иваном Аксаковым и его отцом по поводу Гоголя, спор с братом Константином относительно соотношения «русскости» и «православности». Но и тут отмечается некий предел: после смерти в 1860 году А.С. Хомякова и К.С. Аксакова для И.С. Аксакова именно они (как указывает А.А. Тесля) становятся авторитетами во многих вопросах, в том числе и в вопросах богословских (с. 391–392). Главным же «личным» церковным вопросом становится вопрос о свободе Церкви и свободе совести как духовной свободе.

Тут уже главным для Аксакова становится вопрос о связи Церкви и государства, о лицемерии общества в отношении веры, взятой в «полицейскую опеку», через которую лицемерие входит и в среду церковного клира (с. 394–395). Вопрос о свободе доходит до неприятия церковной иерархии, до требований разрешения белому духовенству рукополагаться в епископы (с. 395). И тут биограф вновь проводит интересное различие: Аксаков характеризуется «личной терпимостью к бытовым моделям религиозности, чуждым или даже осуждаемым самим Аксаковым» (с. 395), — притом по отношению не только к близким, но и к своим оппонентам. Отсюда, правда, вырастают не только неодобитель-

ные высказывания по поводу огульной критики либералов в адрес свт. Филарета, но и защита старообрядцев, которых Аксаков защищал, исходя из идеи духовной свободы.

В целом же автор биографии делает замечательное резюме относительно религиозных установок Аксакова. Это морализм, антииерархизм (исходящий из богословия «соборности» Хомякова), неприятие обрядовости и формализма (с. 398). И, что наиболее ценно, — А.А. Тесля встраивает воззрения Аксакова в контекст происходившего в обществе процесса перехода от групповой конфессиональной принадлежности к «индивидуальной» религиозности, то есть в контекст «вторичной христианизации» в России (с. 400), в рамках которой на первом месте должна оказываться не принадлежность определенной религиозной группе, а личная искренность живой веры и осознанное принятие ее основных положений и исходных сущностных требований. И именно последнее (несмотря на «протестантский уклон») обнаруживает биограф у Ивана Аксакова (с. 402–403).

Однако этим тема «Аксаков и Церковь» не исчерпывается. Далее идет рассмотрение уже конкретных вопросов церковной жизни XIX века. Тут и проблема прихода в Церковь представителей образованной части русского общества, и проблема приходского духовенства — его служение, его обеспечение, и вопрос о приходах и приходской жизни как таковой, тут и вопрос о синодальном управлении Церковью в контексте вопроса о духовной свободе в Церкви. Все то, что вскрывает здесь автор монографии, несомненно, дает возможность усомниться в той характеристике архиеп. Никанора (Бровковича), согласно которой Аксаков любил православную веру «больше как веру свою, веру отличительно русско-славянскую»⁸. Но одновременно и заставляет задуматься об упоминаемом архиеп. Никанором «Симово-Иафетовом покрывале», которого, возможно, действительно недоставало иногда Аксакову в его обличительном рвении в отношении недостатков церковной жизни.

Но без этого рвения Аксаков не был бы самим собой — в рамках того исторического контекста, пройдя через те самоопределяющие различия, которые были упомянуты выше (добавим к ним различия в отношении издания журналов и газет, в отношении цензуры, славянского вопроса и т.д.). И в этом смысле читатель, пройдя вслед за Иваном Аксаковым по той дороге, которую

---

⁸*Никанор (Бровкович), архиеп.* Поучение преосвященного Никанора, епископа Херсонского и Одесского, в неделю блудного сына, при поминовении в Бозе почившего Иоанна, Сергиева сына, Аксакова // *Соловьев А.П.* «Согласить философию с православной религией»: идейное наследие архиепископа Никанора (Бровковича) в истории русской мысли. Уфа: Изд. Словохотов А.А., 2015. С. 274.

высвечивает автор его биографии через тексты самого исследования и документальных приложений (писем Аксакова), думается, согласится с заключительной характеристикой, данной славянофилу: «Собственно, яркой удачи — ни одной, все “вопреки”, со способностью раз за разом начинать вновь то, что считал должным, делать свое дело с энергией и энтузиазмом (несколько искусственного рода, в результате “самовзгонки” — время от времени оглядываясь на себя и замечая, что вновь нужно принуждать себя к пафосу, вновь быть “трибуном” — но делать нечего, этого “от меня ждут” и это необходимо — а больше некому, следовательно, надлежит исполнить свой долг). Если вдуматься, то пример поразительный — многим хватило бы и пятой доли этих поражений, чтобы навсегда удовлетвориться тихим местом и малой ролью — как, собственно, и произошло с большинством из тех, кто входил в его круг. Но что удивительнее, так это отсутствие озлобления — горечь от несбывшихся надежд есть, куда без нее, а вот зла на мир и на людей — нет, этим он не только не обзавелся, но с возрастом избавился и от того, что было ему ранее присуще — “помягчение в личном”, при одновременном сохранении жесткости общественной» (с. 616).

Этот вывод, указывающий еще раз читателю на то, что истинной целью исследования является обнаружение различий в поведенческих практиках славянофила в условиях Российской империи середины — второй половины XIX века, отсылает нас к первым словам монографии. Тут автор пишет о том, чего мы не в ней найдем. Читатель не найдет в томе ни подробностей внешней стороны биографии Ивана Аксакова, ни систематического изложения его взглядов (с. 3). Хотя последовательный ход повествования, вскрытие отдельных тонкостей душевных движений Аксакова и максимальная детализация отдельных его воззрений ставят под сомнение заявление автора. Однако присутствующее тут же указание на то, что темы «Иван Аксаков и его время», «Иван Аксаков и его окружение» ждут своих исследователей, делает книгу А.А. Тесли открытым текстом, а не замкнутой системой. Исследователь не произносит окончательного приговора и не всегда дает завершенные ответы. Он скорее предлагает читателю соучаствовать в исследовании. И это является, пожалуй, одним из самых главных достоинств этой биографии И.С. Аксакова.

Источники и литература

1. *Аксаков И.С.* Собрание сочинений. Т. 1: Славянский вопрос. Кн. 1 / Издание подготовили А.П. Дмитриев и Д.А. Федоров; Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2015.
2. Аксаков Иван Сергеевич. Материалы для летописи жизни и творчества: В 5 вып., 9 книгах / Сост. С.В. Мотин, И.И. Мельников, А.А. Мельникова; под ред. С.В. Мотина. Уфа: УЮИ МВД России, 2010–2013.
3. *Лосев А.Ф.* Античный космос и современная наука // *Лосев А.Ф.* Бытие — имя — космос. М.: Мысль, 1993.
4. *Никанор (Бровкович), архиеп.* Поучение преосвященного Никанора епископа Херсонского и Одесского, в неделю блудного сына, при поминовении в Бозе почившего Иоанна, Сергиева сына, Аксакова // *Соловьев А.П.* «Согласить философию с православной религией»: идейное наследие архиепископа Никанора (Бровковича) в истории русской мысли. Уфа: Изд. Словохотов А.А., 2015.
5. *Пустарнаков В.Ф.* Философия Просвещения в России и во Франции. Опыт сравнительного анализа. М.: ИФ РАН, 2001.
6. *Соболев А.В.* Философские мелочи // История философии. 2000. № 6.
7. *Тесля А.А.* Первый русский национализм... и другие. М.: Издательство «Европа», 2014.
8. *Тесля А.А.* «Последний из “отцов”»: биография Ивана Аксакова. СПб.: «Владимир Даль», 2015.
9. *Цимбаев Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978.